

Тагиев А.Д., прокурор Управления международных связей Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики, советник юстиции ♦

Криминалистическая характеристика убийств, совершенных из корыстных побуждений

Аннотация: Исследуются способы совершения и сокрытия убийств из корыстных побуждений, рассматриваются проблемы инсценировки событий, приводится их классификация.

Анализируются вопросы места совершения преступления, его исследования, обнаружения следов, установления причинных связей.

Даны практические рекомендации.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; убийство; корысть; способ совершения; способ сокрытия; инсценировка; методика.

В методике расследования отдельных видов преступлений важное место занимает абстракция, именуемая криминалистической характеристикой. Эта концепция в криминалистике представляет собой систему наиболее значимых признаков, анализ последних, а также их взаимосвязей, позволяет эффективно раскрывать совершенное преступление. Источником криминалистической характеристики является изучение и обобщение опыта следственной и оперативно-розыскной практики, что дает возможность в многосторонней следственной деятельности выделить те главные элементы, из совокупности которых выстраивается правильная модель совершенного преступления, наметить пути расследования.

Суть методики расследования преступлений как отрасли криминалистики состоят в научных положениях, определяющих планирование и организацию раскрытия разных видов преступлений и их профилактику. При этом

♦ **Тагиев Анар Динядур оглы** – прокурор Управления международных связей Генеральной прокуратуры Азербайджанской Республики, советник юстиции (Азербайджан). E-mail: anartagi@box.az

главенствующая роль принадлежит криминалистической характеристике, способствующей формированию следственных версий и выбору направления расследования. Ее структурные элементы — способы совершения и сокрытия преступлений, время, место и обстановка события; совокупность наиболее характерных следов (следовая картина); личность преступника и личность жертвы; существующие между ними зависимости (взаимосвязи) дают достаточно полную картину события в конкретном применении данной абстракции (23, с. 463-465).

В настоящее время опасной тенденцией в совершении корыстных убийств становится их разнообразие. Способы осуществления и сокрытия, объекты преступного посягательства не укладываются в традиционные схемы расследования убийств, обретая новую криминалистическую окраску, требующую анализа и обобщения, что необходимо для формирования разработки оригинальных методик.

Одним из определяющих положений криминалистической характеристики является способ совершения преступления. Его содержательная структура включает этап приготовления, который состоит из нескольких взаимосвязанных элементов: а) изучения данных о личности жертвы; б) выбора способа лишения жизни (орудия или иного средства); в) избрания собственной тактики совершения преступления. К способу совершения преступления относится и способ сокрытия, хотя его детальное рассмотрение требует отдельного анализа (15, с. 28-29).

Проблема способа совершения преступления как одна из ключевых в уголовном праве и криминалистике остается по-прежнему дискуссионной. Это вызвано различным подходом ученых к интерпретации понятийного аппарата, в частности содержания понятий «способ совершения» и «способ сокрытия». В определении соотношения этих способов в общем понятии «способ совершения преступления» наметились две тенденции — к их размежеванию и к их интеграции. Применительно к общему понятию и его использованию в изучении проблемы расследования убийств были высказаны различные аргументы. Так, В.П. Колмаков в своем исследовании, посвященном методике

расследования преступлений против жизни, различал способ совершения преступления и способ его сокрытия. К первому он относил действия и бездействия, направленные на достижение преступного результата, а также материальные предметы, с помощью которых было совершено преступление, условия, удобные для преступника. Способ сокрытия рассматривался исследователем как действия преступника, направленные на маскировку и ликвидацию следов этого преступления (21, с. 193-196).

Эту же точку зрения впоследствии разделял А.Н. Колесниченко, детализировавший понятие способа совершения преступления. Так, в его содержание он включал «образ действий преступника, совокупность приемов, создавших реальную возможность наступления преступных последствий, повлекших эти последствия либо направленных на их сокрытие» (19, с. 336). В дальнейшем эта весьма громоздкая дефиниция была сформулирована им более четко как «образ действий преступника, выражающийся в определенной взаимосвязанной системе действий и приемов, подготовки, совершения и сокрытия преступлений» (20, с. 9). В этом определении удачно трактуется понятие системы действий, что указывает не только на его интегративность, но и лаконичность.

Достаточно конструктивное представление о способе совершения преступления было высказано в свое время Г.Н. Мудьюгиным, рассматривавшем его в широком и узком смысле. Так, понятие способа совершения преступления в широком смысле включало как совершение, так и сокрытие преступления. В узком же смысле оно ограничивалось непосредственным совершением преступления. При этом он отмечал, что если сокрытие не являлось условием совершения преступления и происходило после его совершения, то оно могло рассматриваться как самостоятельный комплекс действий, не входящий в понятие способа совершения преступления (28, с. 11-12).

Научный анализ названной проблемы нашел свое наиболее полное воплощение в трудах Г.Г. Зуйкова. Итогом его исследований стало определение способа совершения преступления как системы действий, объединенных одним

преступным замыслом (16, с. 229). Указание на преступный замысел, который является психологической категорией, интерпретирующей умысел как систему действий, именуемую замыслом, во много обогатило ранее довольно безликие определения. В способе совершения преступления, как и в способе сокрытия, достаточно полно отражены гамма чувств, настроений, темперамента и характера преступника, что дает основание для включения этих признаков в определение способа. Другое дело, каким термином это может быть обозначено. Не полемизируя с исследователями названной проблемы, отметим только, что наиболее законченным является определение способа совершения преступления Г.Г. Зуйкова в редакции профессора Р.С. Белкина. Оно звучит так: «Способ совершения преступления — это система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущими быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени и объединенных общим преступным замыслом» (5, с. 359).

Способы совершения убийств имеют однотипную структуру, присущую всем видам преступлений, отличаясь друг от друга соответственно объектом посягательства (30, с. 28-29). Вместе с тем, несмотря на многообразие способов лишения человека жизни, их можно классифицировать на основании специфики каждого. Так, это может быть убийство с расчленением трупа, «без трупа», связанное с исчезновением человека, скрытое инсценировкой. Свою специфику имеют и убийство, совершаемое организованной группой, и убийство по заказу. Классификационное объединение, способствующее созданию отдельных методик расследования, проводится в научных целях, так как оно позволяет давать полный анализ совершенного деяния и разрабатывать оптимальные схемы решения следственных задач. Вместе с тем, как верно отметил О.О. Мартинсон, каждое совершенное убийство имеет свои особенности, и поэтому общие схемы, как бы они ни были совершенны, не могут заменить индивидуального подхода к решению мыслительных задач в стандартных ситуациях, выполняя только вспомогательную роль (27, с. 121).

В общей схеме способа совершения убийства из корыстных побуждений представляет интерес этап подготовки к нему. По общему правилу, подготовка предполагает выбор орудий, средств и методов осуществления задуманного. Если орудия и средства можно рассматривать как традиционные, то методы совершения нередко могут отличаться большой изобретательностью. В плане подготовки к совершению убийства исследователей мало привлекала психологическая сторона этого этапа преступления, которая представлялась скорее как художественная, чем научная. Между тем, психологические аспекты подготовки во многом определяют поведение убийцы в период совершения преступления и после него, что позволяет в процессе расследования обнаружить нити, ведущие к установлению личности преступника (33, с. 65-73).

При расследовании уголовного дела об убийстве в г. Баку крупного чеченского предпринимателя Р. следователь обратил внимание на надписи, произведенные на автомашине погибшего краской, используемой профессиональными художниками.

По содержанию надпись представляла цитату из стихотворения Омара Хайяма и завершалась хорошо исполненным кистью сложным рисунком.

Все поведение убийцы на месте преступления свидетельствовало о сложных мотивах, побуждающих его к совершению определенных действий, занимающих длительное время и отличающихся оригинальностью. Расследование в этом направлении позволило, хотя и с запозданием, установить личность преступника (4).

Психология убийства - это, прежде всего, комплекс задач, связанных с умыслом, способами его осуществления или сокрытием следов в широком понимании. Психическое состояние преступника здесь играет главенствующую роль, определяя все его действия - от намерения убить до отказа совершить преступление. Стяжательство, зависть, желание избавиться от лица, мешающего осуществлению каких-то жизненных планов, стимулируют низменные побуждения и в известной мере определяют способы совершения

преступления, его механизм, сокрытие следов и иных улик, могущих вызвать подозрение (31, с. 96-97).

К числу наиболее важных элементов криминалистической характеристики, неразрывно связанных со способом совершения преступления, относится способ сокрытия, в частности способ сокрытия корыстного убийства. Как отмечает Р.С. Белкин, «сокрытие преступления — деятельность (элемент преступной деятельности), направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей» (5, с. 364).

Такая формулировка представляется наиболее полной, хотя, как и каждое определение, не исчерпывающей. По-прежнему остается спорным вопрос, является ли способ сокрытия отдельно существующим и не всегда связанным со способом совершения преступления элементом либо он находится в жесткой зависимости от последнего.

Аргументами, выдвигаемыми многими авторами в защиту той или иной позиции относительно предмета дискуссии, становились тезис о неразрывности способа совершения и сокрытия в триаде — способ приготовления, способ совершения, способ сокрытия и, напротив, утверждение о самостоятельном существовании способа сокрытия преступления. К числу авторов, отстаивавших последнюю позицию, относились Р.С. Белкин и И.М. Лузгин (5, с. 363-364; 25, с. 36), противоположных взглядов придерживались Г.Г. Зуйков и его последователи, анализировавшие понятие «сокрытие преступления» (17, с. 176-179).

Нельзя не отметить аргументацию в защиту самостоятельного существования способа сокрытия преступлений, представленную Р.С. Белкиным. По его утверждению, отсутствие преступного замысла, объединяющего в себе все три элемента, может объясняться следующим образом: а) при подготовке к совершению преступления субъект не планировал действий по его сокрытию, однако после совершения, в результате возникновения тех или иных обстоятельств, предпринял меры к сокрытию; б) при подготовке к совершению преступления субъект не планировал сокрытия,

надеясь, что следы исчезнут, а при их сохранности, импровизирует сокрытие; в) при подготовке преступления субъект не принял мер к сокрытию, но эти действия предприняли иные заинтересованные лица; г) при подготовке к совершению преступления субъект планировал осуществление сокрытия другими лицами (пособниками, укрывателями), однако в связи с их неосуществлением был вынужден с разрывом во времени сам предпринимать меры к сокрытию; д) при подготовке к совершению преступления субъект первоначально планировал действия по его сокрытию, но в силу обстоятельств был вынужден принимать другие меры, не соответствующие единому преступному замыслу (5, с. 360-361).

Следовательно, как отмечает Р.С. Белкин, можно прийти к выводу, что действия по сокрытию преступления, не объединенные единым преступным замыслом, носят самостоятельный характер.

Исследование проблемы способа сокрытия преступлений привнесло в криминалистическую литературу значительное число его определений, наибольший интерес среди которых вызывает трактовка Г.Н. Мудьюгина, обозначившего сокрытие как комплекс действий преступника в целях уклонения от ответственности за содеянное. Такие действия могут быть направлены на сокрытие самого события, его преступного характера, участия в нем преступника (28, с. 68).

15 апреля 2008 г. соседи сообщили о пожаре в квартире Аббасовых по ул. Ю. Чеменземенли, 9 г. Баку.

Прибывшие на место происшествия пожарные обнаружили обгоревшие трупы хозяйки квартиры Аббасовой, двух ее дочерей и несовершеннолетнего внука.

Расследованием данного факта было установлено, что Нуриев, 1985 г. рождения производил в квартире Аббасовых ремонт, вошел в доверие к Аббасовой С., стал с ней сожителями, а узнав о наличии у членов семьи большого количества ювелирных изделий и денег, решил совершить убийства и завладеть ценностями.

14 апреля 2008 г. Нуриев остался ночевать в квартире Аббасовых, а когда все заснули, посредством металлического прута и ножа совершил убийство четырех человек, затем, с целью сокрытия следов содеянного, посредством газовой печи устроил в квартире пожар, предварительно похитив обнаруженные деньги и ценности (4).

Одним из самых изощренных способов сокрытия является инсценировка — искусственное создание картины преступного события. Инсценирование преступного события в деятельности органов расследования, как и в криминалистической литературе, имеет свою предысторию. Понятие инсценировки связано, главным образом с прежней терминологией, а точнее с «симуляцией преступления», имевшей место в первых работах по криминалистике И.Н. Якимова (37, с. 44). Впоследствии этот термин как тяготевавший к более медико-психиатрическим состояниям был заменен словом «инсценировка», что, представляется, наиболее удачно отражает его содержательную сторону.

К исследованию проблемы инсценировки события в различных видах преступной деятельности обращались Р.С. Белкин, И.М. Лузгин, Е.В. Баранов, В.А. Овечкин. Приведенные названными авторами определения дают достаточно разностороннюю характеристику инсценировки, в которой акцентируются отдельные положения. Так, И.М. Лузгин определял инсценировку как «создание видимости другого преступления с целью замаскировать действительное деяние и ввести таким образом органы расследования в заблуждение, затруднить следствие» (24, с. 48).

В криминалистической литературе не раз предпринимались попытки классификации инсценировок. Наиболее полная была представлена Р.С. Белкиным. Эта классификация состояла из значительного числа оснований, предопределяющих отдельные параметры инсценировок (5, с. 372-373).

Как справедливо отмечает Р.К. Вагнер, определенный интерес в проблеме сокрытия преступления, в том числе и путем инсценирования, представляет психологическая сторона этой деятельности (31, с. 99). Не останавливаясь на факторах, обуславливающих сокрытие, в частности, страхе перед наказанием,

стыде, связанном с разглашением позорящих фактов, стремлении защитить от наказания близкое лицо (при сокрытии, осуществляемом посторонними лицами), желании обеспечить себе безбедное существование и пр., представляется важным рассмотрение психологической стороны сокрытия преступления. В этом плане главенствующим можно считать два аспекта проблемы: создание мыслительной модели сокрытия и способ ее реализации. Сокрытие преступления независимо от того, продумано оно заранее либо осуществляется в процессе преступного действия, всегда предполагает сложную мыслительную деятельность субъекта, связанную с решением множества задач. Особо отметим, что происходит это не в обычной, ординарной, обстановке, а отягощено сознанием предстоящего преступного события, иными словами, достаточно сильно травмирует психику. И.М. Шмелев указывает, что такое состояние присуще всем лицам, совершающим преступление, в том числе и рецидивистам, потому что необычный характер деятельности (действий) исключает привыкание, способствующее притуплению эмоционального напряжения (14, с. 161). Вместе с тем, необычность эмоционального состояния, напряженность в значительной мере влияют на уровень решения мыслительных задач, связанных с событием преступления, и в частности с его сокрытием, что нередко влечет за собой ошибки и промахи, допускаемые преступниками при осуществлении действий по сокрытию (35, с. 210-212).

Применительно к рассматриваемой проблеме — расследованию убийств из корыстных побуждений — инсценирование отличается особой сложностью построения мысленной модели, которая является основой для последующих действий, направленных на ее осуществление. Сложность заключается в логической цепи рассуждений, относящихся к способам инсценировки и рефлексивному мышлению, «проигрывающему» мыслительную платформу следователя, а также окружающих лиц. Стараясь домыслить оценку содеянного им следователем, близкими к жертве людьми, убийца избирает такие варианты инсценировки и сопутствующего ей поведения, которые более всего убеждали

бы лиц в версии, сформулированной преступником и осуществленной, как наиболее оптимальной и впечатляющей.

В решении таких задач преимущество отдается рефлексивному мышлению и управлению, где первое предусматривает «проигрывание» мысленной модели инсценировки, анализируемой следователем как истинное событие, второе — предполагает то, что созданная структура инсценировки управляет мышлением следователя, акцентируя внимание последнего на фактах и обстоятельствах, наиболее убеждающих его в соответствии действительных обстоятельств выдвигаемой и подсказанной преступником версии, в этом смысле - создания той мыслительной платформы, на которой возводится ошибочное представление (29, с. 96-97).

В декабре 1998 г. Мамедов Г.Т. при расчетах обманул членов банды Укушева, Аюбова и Новрузова, а когда те об этом узнали и стали предъявлять претензии, решил убить их, чтобы таким путем пресечь нежелательные для него разговоры и поддержать свой авторитет главаря.

Посредством других членов банды, Мамедов заманил Укушева, Аюбова и Новрузова в квартиру своей сожительницы, где все трое были лишены жизни путем причинения ударов металлическими прутьями в жизненно важные органы.

После этого, в багажнике автомашины «ВАЗ-21099» трупы убитых были доставлены в безлюдное место на окраине Ясамальского района г. Баку, куда, одновременно, на автомашине Аюбова марки «Линкольн» прибыл один из членов банды.

Затем трупы Укушева, Новрузова и Аюбова были размещены в салоне автомобиля «Линкольн» и автомашина сброшена с обрыва, что создало видимость ДТП со смертельным исходом. Предварительно в рот Аюбова, размещенного на месте водителя «Линкольна» была влита водка (3).

Поведение человека неизбежно отражается в окружающей среде в виде комплексного личностно-регуляционного «следа». Этот след не менее пригоден для идентификации личности преступника, чем след его пальца. Но в отличие от следа пальца поведенческий след всегда имеется на месте происшествия и

несет неизмеримо больший объем криминалистически значимой информации о личности преступника (2, с. 150).

Одним из элементов криминалистической характеристики убийств из корыстных побуждений является так называемая «следовая картина», то есть комплекс следов, отражающих картину события преступления.

Не акцентируя внимания на значимости следов в раскрытии преступлений, что является общепринятой истиной, следует обратиться к иной стороне проблемы, а именно к позиции, при которой способа совершения преступления как такового нет на первоначальном этапе расследования, а есть только следы, характер которых не определен и неизвестен, а в отдельных случаях требует консультации специалиста в той или иной области знания.

Именно такие обстоятельства расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, убеждают в том, что не способ, отсутствующий на период обнаружения того или иного преступления, а комплекс следов или даже один след дают ключ к расследованию. Поэтому ориентация на криминалистические важные следы, иными словами, важные для расследования преступлений, является особенно необходимой в системе элементов криминалистической характеристики преступлений (38, с. 171).

Начало расследования всегда связано с наличием той или иной информации, объем которой может быть различным. Однако даже минимальный объем становится комплексом данных для построения версии о событии преступления. Версия является мыслительной моделью совершенного преступления, построенной следователем на основании исходных данных, собственных теоретических представлений и практического опыта. В такой мыслительной модели определенное место занимают обнаруженные следы, которые, как правило, носят материальный и идеальный характер. Если материальные следы представляют собой отображения и предметы, имеющиеся на месте происшествия, то идеальные следы в процессуальном смысле представляют информацию, получаемую от свидетелей, потерпевших, в ряде случаев от специалистов (22, с. 61-64).

Как следы, так и вербальная информация, представляют собой фрагменты построенной модели события преступления. Таким образом, определенная часть модели носит не идеальный, мыслительный, характер, а является материальной частью той следовой картины, которая формируется в воображении следователя и составляет реальную часть информации, лежащей в основе построения модели.

Место совершения преступления, являясь одним из элементов криминалистической характеристики, содержит значительный объем информации, относящейся к способу совершения преступления, характеристике следов в широком и узком смысле слова, характеристике личности преступника. И. Кабарт и Г. Велч справедливо отмечают, что во всех случаях данные осмотра места происшествия, а по преступлениям, при совершении которых в криминалистическом понимании места происшествия нет, а существует только место события, место преступления сохраняет целую систему взаимосвязанных признаков, отражающих происшедшее событие (18, с. 100-101). В этом плане прочтение данных с места события, их правильная интерпретация позволяют выяснить характер преступления и наметить пути его расследования. Это обстоятельство также правильно подчеркивает И.Ф. Герасимов, когда отмечает, что «необходимо изучить и понять весь механизм системы, где совершено преступление» (10, с. 9).

Применительно к такому преступлению, как убийство из корыстных побуждений, место его совершения имеет особое значение, поскольку является источником многочисленных следов, отражающих механизм преступного действия, взаимоотношения преступника и жертвы, данные об оружии убийства, о личности преступника и его психофизиологических признаках, в отдельных случаях об одежде и способах маскировки (34, с. 122-130).

Вместе с тем, при расследовании убийств из корыстных побуждений место совершения преступления и место происшествия не всегда составляют единый комплекс. Место преступления одно — это место совершения убийства, а мест происшествия, связанных с этим событием, может быть несколько: место

транспортировки трупа, место его обнаружения, в случаях отравления — место возможных остановок жертвы перед смертью и т.п. (13, с. 21).

Кроме того, место события преступления связано с местом его подготовки, а также с местом сокрытия следов происшедшего, орудий преступления, наконец, трупа. Поэтому глубокое изучение всего комплекса информации, обнаруженной на месте преступления, прослеживание логики связей между отдельными следами, как и установление противоречий в их действительной или мысленной схеме, позволяют обнаружить нити, ведущие к расследованию преступного события. Исследователи справедливо отмечают, что место происшествия является фундаментом для построения всего здания расследования (1, с. 10-11).

Обнаруженные на месте происшествия (на месте события) следы при умелом их прочтении играют важную роль в построении мысленной модели преступления.

Предшествует такому построению анализ следов, который предусматривает следующее:

а) изучение деталей следов в целях получения полного представления о характере и особенностях предмета (объекта), оставившего следы;

б) изучение следов в их причинной связи с окружающими предметами (расположение, направление, расстояние) в целях установления таких обстоятельств, как ориентация преступника на месте происшествия, движение его, иногда мотивы совершения преступления (поиск ценных вещей, компрометирующей информации);

в) изучение следов в их совокупности для выводов и предположений о числе преступников, путях проникновения на место преступления, путях ухода, маскировки истинных целей события (8, с. 12-14).

Анализ и установление причинных связей всего, что удалось обнаружить даже на первоначальном этапе, становится необходимым для его оценки, которая является логической предпосылкой для построения различного рода версий, как частных, относящихся к причинам появления отдельных следов или

вещественных доказательств, так и общих, свидетельствующих о характере события преступления и лицах, его совершивших.

Надо отметить, что и в процессе анализа, и в оценке собираемой на месте происшествия информации могут быть допущены ошибки, влекущие за собой неправильные предположения и выводы. Поэтому на всех этапах построения мысленной модели события преступления следует соотносить ее с реально существующими следами и вещественными доказательствами, которые в формирующейся модели играют роль фрагментов события. Как правильно отмечает М.И. Еникеев, «общая модель преступления является ориентировочной основой для продвижения следственно-познавательного поиска к цели расследования, она дает направление для выработки планов действия и поиска необходимых средств их реализации» (11, с. 116).

В систему элементов криминалистической характеристики входит обстановка совершения преступления. Она представляет собой своего рода поле деятельности (действий) преступника, которое тот избирает заранее, либо оказывается в нем случайно. В каждом из случаев обстановка играет разную роль: в одних — будучи подготовленной, способствует совершению и сокрытию преступления, в других — может иметь как позитивное, так и негативное значение, в зависимости от того, насколько она помогает осуществлению преступных намерений или препятствует их реализации. При этом понятие обстановки дополняется понятием совершения преступления в условиях очевидности и в условиях неочевидности, где первое указывает на наличие лиц, в присутствии которых совершалось преступление, а второе — на их отсутствие.

Как правильно отмечает И.Р. Лукин, понятие «обстановка» соотносится с понятием события преступления и места происшествия, которые всегда оставляют следы на объектах и предметах обстановки (26, с. 62). В этом плане в реальных ситуациях они взаимосвязаны, так как одно не существует без другого. Однако при восприятии обстановки не следует забывать, что отдельные ее фрагменты, как и она в целом, могут быть инсценированы. Вот почему, оценивая обстановку, нужно соотносить действия преступника и оставленные

следы с типовыми и нетиповыми ситуациями. Нельзя не согласиться с рассуждениями М.И. Еникеева, что «следообразование преступления идет от способа поведения преступника к фиксации его признаков в материальной среде. Отражение же преступления в криминалистическом познании — от следов в материальной среде к поведенческой системе преступника. Следовательно решает сложные познавательные задачи по моделированию определенных действий преступника и всего преступления в целом по отдельным признакам способа его поведения во внешней среде. При этом существенно знание типичных схем генезиса преступного поведения, взаимосвязей до преступного, преступного и после преступного поведения» (11, с. 385).

К интересным и впервые представленным в криминалистической и судебно-психологической литературе данным об особенностях поведения преступника, проявляющихся во внешней среде, можно отнести признаки:

- ценностных ориентаций, динамики целеобразования (предварительная обдуманность или спонтанность, импульсивность), признаки ситуативной обусловленности поведения, избирательной направленности его сознания на определенные группы объектов;

- индивидуального стиля деятельности, последовательность действий и промежуточных операций, их системность и асистемность, что из внешних обстоятельств тщательно учитывается, чем пренебрегает преступник, признаки поправочных действий и их особенности;

- уровня общего жизненного и криминального опыта, владения профессиональными приемами и навыками, предпочитаемые орудия действия, динамические особенности действий;

- способности к волевым напряжениям, устойчивости целедостижения, эмоциональной устойчивости — неустойчивости, пластичности или ригидности (привязанности к намеченным планам, неспособности изменять их в новых обстоятельствах), адекватности отражения объективной обстановки;

- отношения преступника к основному достигнутому результату, побочным результатам, особенности использования результатов в дальнейшем целеобразовании (11, с. 384).

Приведенные позиции достаточно широко освещают криминально-психологические аспекты взаимодействия преступника с обстановкой, в которой происходит содеянное, и возможными вариантами отражения в ней данных о подозреваемом.

Названные признаки поведения преступника, отражающиеся во внешней среде, при их правильном анализе, интерпретации и оценке являются основаниями для выдвижения версий, а следовательно, и для эффективного раскрытия преступления.

В этой связи нельзя не упомянуть достаточно давно высказанное замечание Р. С. Белкина, о том, что «обстановка места преступления является частью обстановки преступления, которая включает, кроме материальной обстановки, поведение участников события, психологические отношения между ними и др.» (6, с. 111). Это замечание еще раз подтверждает то обстоятельство, что обстановка является важным элементом криминалистической характеристики преступлений еще и потому, что отражает зависимости между ее отдельными элементами.

Будучи одним из элементов криминалистической характеристики преступлений, личность потерпевшего может занимать различное место в ее системе, в одних случаях определяя при расследовании отдельных видов преступлений жесткие зависимости (закономерные связи) между элементами, в других — выполняя более скромную роль.

Особое место отводится личности потерпевшего в криминалистической характеристике убийств из корыстных побуждений. Здесь особенно четко прослеживается зависимость между элементами характеристики убийств, как и ее отсутствием в случаях импульсивных убийств. Различные позиции отношений между потерпевшим и преступником определяют уровень связей между элементами криминалистической характеристики и их значение для расследования, как в плане выдвижения следственных версий, так и получения данных о личности преступника (9, с. 129-130).

При расследовании убийства Аббасовых, о котором упоминалось выше, было получено заключение эксперта о том, что перед смертью с погибшей С. Аббасовой был совершен половой акт.

В связи с этим, следователем была выдвинута версия о совершении преступления сожителем либо близким знакомым потерпевшей.

После того, как соседи Аббасовых дали показания о том, что мастер Нуриев часто оставался ночевать в квартире, где производил ремонт, вычислить преступника стало делом времени (4).

А.Б. Земский справедливо отмечает, что в действиях преступника наблюдается определенная избирательность, показывающая взаимосвязь между особенностями личности потерпевшего и преступника (12, с. 166). Более того, наличие и характер связей и отношений между жертвой и преступником влияют на цель, мотив, место, время, способы совершения и сокрытия преступлений, обуславливая их специфику. В случаях убийств из корыстных побуждений зависимость между преступником и потерпевшим определяется данными о последнем, точнее его личностными качествами, поведением, в ряде случаев положением в обществе, служебными, личными отношениями с преступником. Причем изменения в этих позициях существенно корректируют намерения преступника, избрание места и способа совершения преступления. Иными словами, в этом виде преступлений ведущим является потерпевший, преступник же — ведомый, который следует в своих намерениях и действиях за намеченной жертвой, изменяя тактику преступления в соответствии с ее действиями. Такая зависимость существует почти во всех случаях преступного события, связанного с корыстным убийством (29, с. 162-163).

В качестве примера достаточно привести все тоже уголовное дело по обвинению Г. Мамедова, З. Насирова и других, результаты расследования которого и последующее судебное разбирательство наглядно показали, что практически при всех корыстных убийствах существует устойчивая взаимосвязь между жертвами и преступниками, определяемая личностными качествами, общественной и служебной характеристиками обеих сторон (3).

Система признаков, относящихся к личности потерпевшего, имеет сложную структуру. Она включает общие демографические сведения (пол, возраст, место жительства, учебы, работы и т.п.), данные об образе жизни, чертах характера, привычках и наклонностях, связях (личных, родственных, служебных, бытовых и др.) и отношениях (враждебных, неприязненных, дружественных и т.п.). Все эти обстоятельства — каждое в отдельности и все во взаимосвязи — позволяют представить картину события и прийти к определенным выводам (32, с. 90-91).

Особое значение такие признаки имеют в тех случаях, когда информация о преступлении крайне ограничена. Такие обстоятельства отмечаются при расследовании корыстных убийств, связанных с различными случаями сокрытия преступления. Данные о личности потерпевшего, его связях и отношениях важны при расследовании всех видов преступлений против жизни и здоровья человека, и поэтому они включаются в криминалистические характеристики всех так называемых «микрометодик» расследования убийств (имеется в виду их традиционное деление: убийство «без трупа», с расчленением трупа и связанное с инсценированием преступления). Кроме названных микрометодик, к ним примыкают новые, возникшие в связи с убийствами по заказу, убийствами, совершенными организованными преступными группами. Каждая из названных методик обладает своей спецификой характеристики потерпевшего, обусловленной видом преступления и теми отношениями с преступником, изучение которых позволяет планировать расследование в каждом отдельном случае (36, с. 93-102).

Следует обратить внимание на характер связей между преступником и потерпевшим в различных видах убийств и ситуациях преступления. В одних случаях они носят непосредственный характер и вполне очевидны. Это относится, главным образом, к конфликтным столкновениям лиц, находившихся прежде в дружеских, родственных, служебных отношениях. В других случаях, связи между преступником и жертвой (потерпевшим) носят опосредованный характер. Чаще всего это относится к таким видам убийств, как убийства по заказу, убийства, совершаемые организованными группами. В

указанных преступлениях лицо, совершающее убийство, как правило, не знакомо с потерпевшим, не вступает с ним в конфликт, а выполняет приказ руководителя преступной группы либо действует по соглашению с заказчиком. Именно поэтому в названных видах преступлений зависимости между преступником и потерпевшим, которые мы наблюдаем в обычных случаях, прерываются, не носят традиционный характер и поэтому не могут выполнять своих функций, позволяющих формировать следственные версии о личности преступника (35, с. 12-13). Подобные случаи затрудняют расследование, делают бесперспективными первоначальные следственные и оперативно-розыскные действия, направленные на установление личности преступника, и только по прошествии времени при тщательном изучении личности потерпевшего, его положения в обществе, политического или финансового престижа могут быть выдвинуты версии о характере убийства и личности преступника (7, с. 41-42).

В проблеме взаимосвязи таких элементов криминалистической характеристики как личность потерпевшего и личность преступника (убийцы) особое место принадлежит виктимному поведению потерпевшего, системе его поведенческой направленности. Последняя может иметь несколько уровней, определяемых с одной стороны, качествами личности потерпевшего, его характером и темпераментом, с другой — обстановкой, в которой может произойти и происходит преступное событие, с третьей — внезапностью ситуации, которая стимулирует как поведение потерпевшего, так и поведение преступника.

Библиография

1. Абасов А.М., Векилов Б.И., Мамедов С.Ф., Сулейманов Д.И. Криминалистические аспекты следственного осмотра. Библиотечка криминалиста. Выпуск 2 – Баку, НМЦ УВД г. Баку, 1991.
2. Антонов Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. М.: Пенатес – Пенаты, 2000.

3. Архив Суда по тяжким преступлениям Азербайджанской Республики. 2007 г., д. № А-0050/7.
4. Архив суда по тяжким преступлениям Азербайджанской Республики. 2008 г., д. № А-0621/08; д. № Р-071/08; д. № С-111/08; д. № С – 149/08; д. № Г – 0721/08.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики: т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
6. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973.
7. Бурькина Б.М., Дашкова Г. В. Расследование убийств в зарубежных странах.- М.: ВНИИ МВД СССР, 1991.
8. Гаджиева М.Г., Сулейманов Д.И., Ширалиева С.Д. Следственный осмотр. Учебное пособие. Баку; Тефеккюр, 2000.
9. Газелин И.М. Расследование убийств, совершенных из корысти. Самара, Академия, 2005.
10. Герасимов И.Ф. Криминалистическая классификация и особенности расследования преступлений в зависимости от места совершения преступных действий/В межвуз. Сб. науч. Тр.: Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980.
11. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М.: Юристъ. 1996.
12. Земский А.Б. Методика расследования убийств из корысти. СПб.: Питер, 2006.
13. Злобин С.Т. Тактика осмотра места происшествия по делам об обнаружении трупа. Тверь, Арбалет, 2006.
14. Золотова А.И., Шмелев И.М. Руководство по расследованию убийств. М.; Аллюр, 2007.
15. Зорин Г.А., Зорина М.Г., Зорин Р.Г. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам. Учебно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ , 2001.

16. Зуйков Г.Г. Поиск преступников по признакам способов совершения преступлений: Учеб., пособие.- М.: НИИ МВД СССР. 1970.
17. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
18. Кабарт И., Велч Г. Современная практика осмотра места обнаружения трупа. М., Академия, 2007.
19. Комарков В. С. Проблема общения в тактике следственных действий // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975 - с. 279-280.
20. Комарков В. С. Тактика допроса: Учебное пособие. Харьков, 1975.
21. Колмаков В.П. Значение для расследования точного установления способов совершения и сокрытия преступлений против жизни//Труды Харьковского медицинского института. Харьков, 1956. Вып. 5. - с. 193-196.
22. Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. Харьков.: Консум, 2000.
23. Криминалистика. Учебник для ВУЗов. Под ред. Сулейманова Д.И. Баку: Ишыг, 2000.
24. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. - М.: «Юридическая литература», 1973.
25. Лузгин И.М., Лавров В.П. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение. / Методическая разработка для слушателей V курса вечернего отделения МФЮЗО. М.: 1980.
26. Лукин И.Р. Исследование места происшествия. Волгоград, Арбалет, 2007.
27. Малышев Н.П. Практика раскрытия умышленных убийств// Вестник МВД РФ, 1996, №3-4. с. 54-58.
28. Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М.: Всесоюзн. ин-т изуч. причин и разр. мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, 1973.
29. Николаев И.С. Расследование корыстных убийств. Тверь, Арбалет, 2007.

30. Порода В., Пожар И., Конрад З. К вопросу о некоторых возможностях математического выражения факторов, определяющих способ совершения преступления. Чехословацкая криминалистика. 1981, № 1, с. 28-29.
31. Ричард К.Вагнер. Психология убийства и убийцы. Кембридж, Университетпресс, 2005.
32. Сологуб Б.И. Методика расследования убийств из корысти. Таллинн, «МКО», 2005.
33. Тагиев А.Д. Понятие и сущность способа совершения преступления. Ганун, № 10 (186), Баку, 2009. с. 65-73
34. Тагиев А.Д. Основные направления первоначального этапа расследования отдельных видов корыстных убийств. Ганун. № 12(188), Баку, 2009. с. 122-130.
35. Тоймухамедов Р.И. Расследование убийств, совершенных из корысти. Алма-Ата, Везирь, 2006.
36. Фомина А.С. Серийные убийства: современные подходы к дефиниции // Воронежские криминалистические чтения. 2001, Вып.2, с. 93 -102.
37. Якимов И.Н. Криминалистика: Уголовная тактика. М., 1929.
38. Ящин И.С. Расследование неочевидных убийств. – Екатеринбург, Старт, 2007.